

АЛЕКСАНДР
ЭРМЕС

КОЩЕЕВ НАСЛЕДНИК

Том II • ЧЁРНАЯ РЕКА

Александр Эрмес
Кощеев Наследник.
Чёрная река

Серия «Кощеев Наследник», книга 2

*<https://litres.ru/74620523>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Кощей мёртв. Его наследник всего-то хотел посмотреть на чудеса Чёрной реки, попробовать знаменитую копчёную рыбу и немного пожить в своё удовольствие.

Но на Черне вода иногда течёт вспять, из глубины поднимаются утонувшие сады, а за право уйти с чужого судна приходится расплачиваться годами жизни родных. Речной хозяин Ратша Нереть уверяет, что без его порядка города останутся без зерна. И, что хуже всего, у него есть основания так говорить. А в северной глубине ходит Белоспин — чудовище, перед которым даже самый хороший меч почти бесполезен.

Лука Могильник не умеет повелевать рекой. Зато он умеет рисковать, находить союзников и ввязываться в дела, за которые другие не берутся. Вместе с Вереей, Берестом и вольными речниками он затевает дерзкую авантюру: провести зерно и вернуть людям право самим выбирать свою судьбу.

Река может повернуть назад. Лука — нет. Это Второй Том цикла Кошечев Наследник.

Содержание

Глава 1. Река идёт назад	5
Глава 2. Три куса рыбы	21
Глава 3. Чужая подпись	41
Глава 4. Кость на качке	62
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Александр Эрмес Кошечев Наследник. Чёрная река

Глава 1. Река идёт назад

Самую дорогую рыбу в Заливном Торге мне позволили понюхать бесплатно.

Я остановился у прилавка потому, что дым от него пах не нашим чернотальским дымом. У Пахома рыба после коптильни неизменно приобретала вкус самой коптильни, соседского забора и его мнения о соседе. Здесь к запаху ольхи примешивалась соль, острый холод и что-то сладкое, будто под тёмной коркой спрятали ягоду. Рыба лежала целыми длинными тушами на влажной соломе. Чешуя была почти чёрной, только возле хвоста отливала синим.

— Почём? — спросил я.

Торговка посмотрела на Кедре, которого я держал под уздцы, потом на мои сапоги. Отвечать сразу она не торопилась: при удачной продаже цена могла ещё вырасти, пока покупатель смотрит.

— Целиком берёшь?

— Для начала хотел бы убедиться, что она пахнет так же,

как выглядит.

— Она лучше выглядит, когда за неё заплатят.

Я наклонился. Торговка двумя пальцами пододвинула мне рыбу и проследила, чтобы нос не коснулся кожи. Мы так и познакомились: её устраивало, что я способен восхищаться товаром, меня — что восхищение пока не стоит медяка.

Верея стояла за моим плечом и терпеливо ждала, хотя по дороге сюда уже трижды видела, как я останавливался у сушёных грибов, пряников с маком и седла из красной кожи. На седло денег у меня было, только коню ещё требовалось объяснить, почему прежнее плохое. Кедр подобными тонкостями не интересовался. Он тянулся губами к соломе из-под прилавка.

— Не кормите коня рыбой, — сказала торговка.

— Он просит солому.

— Пока не попробовал рыбу. После уже не разберёшь, чего из вас кормить дороже.

Берест с другой стороны прилавка успел снять перчатку и потрогать солёный край деревянной дощечки. Он надеялся на даровую крошку. После двух недель дороги юноша наконец отрастил достаточно совести, чтобы не отламывать кусок прямо от чужой рыбы; за это я не собирался его хвалить.

— Купим к ужину, — сказала Верея. — Если город не окажется дороже пахучего обещания.

Торговка назвала цену. Берест перестал искать крошку и вновь надел перчатку.

— Ужин на троих? — уточнил я.

— Пир на весь ваш род, — сказала она. — Ты спросил о целой.

Род у меня был невелик, зато аппетит Береста менялся от пустяка до семейного бедствия без всякого предупреждения. Я обещал вернуться за куском, может быть, за тремя. Торговка не поверила. Когда мы уходили, она ещё раз назвала цену так громко, чтобы возле соседнего стола слышали, какого выгодного покупателя только что упустили.

Заливный Торг начинался сараями для мокрой пеньки и верёвочными рядами. Колёса здесь обивали не только грязью, но и светлой речной глиной. Дома стояли на высоких ступенях, ниже дверей темнели следы прежней воды. Над дворами торчали мачты; в Чернотале на таких сушили бы бельё, а здесь сушили снасти. Сквозь улицы пробивался запах горячего хлеба, мокрого дерева и рыбы из соседнего ряда — той, которую можно было купить за медяк, если не заглядываться на красивую чёрную тушу.

— Мы доехали, — сказал Берест.

Он произносил это возле каждого приличного поселения с того дня, как мы покинули Вышеград. Иногда лишь для того, чтобы узнать, есть ли там хороший ужин.

— Лошадям ещё не сказали, — ответила Верея.

Крапива шла за Вереей с видом существа, которого заманили северной дорогой под ложным предлогом. Она и Кедр были моими; нового коня я вёл под уздцы, а старая кобыла

охотно шла за тем, кто говорил с нею тише. Берестов конь, крепкий и охочий до воды, простил нам дорогу за обещание близкой реки. Лошадь Вереи относилась к городскому шуму разумнее всех нас.

Мы отыскиали двор с просторным навесом и колодцем. Хозяйка, широкоплечая женщина в сыром фартуке, проверила ногтем копыта, прежде чем назвать цену за четыре места. Узнав, что нам нужен ночлег дольше одной ночи, предупредила про первую весеннюю воду: нижнее стойло тогда отдавали козам, а доброго коня ставили наверху. Берест уже набрал воздуха для торга. Верея остановила его взглядом и спросила о сене. Хозяйка показала сухое. Я заплатил за первые три дня, послушал, как Кедр недоволен размерами кормушки, и только тогда снял с себя дорожную торбу.

Савкины сапоги выдержали северную грязь лучше меня. Одарьины остались дома, высушенные у печи так, чтобы Гришка не вздумал примерить их без свидетелей. До отъезда я отработал у Бронислава двенадцать полных дней; Верея поговорила с городским дозором, а Берест вернулся от Одарьи после зимних дождей. О Твердыте он рассказывал скупно. За две недели пути на север мы наговорились о многом другом.

— Вода от ворот далеко? — спросил я хозяйку конюшни.

— Какая?

Я удивился.

— Та, ради которой сюда приезжают.

— Тогда до утра не дойдёшь. Каждому ведь своё надо увидеть. Главная пристань — за хлебным рядом. Восточные сходни — ниже по улочке, где вывеска без ноги. Если сунешься к лодкам, сначала спроси, можно ли наступать на доску. У нас доски любят хозяев.

Хозяйка подхватила ведро и ушла к лошадям. Верея спросила, не осталось ли у меня силы дойти до воды после такой дорогой беседы с рыбой. Я сказал, что сила нашлась бы даже на целую рыбину; оплату пришлось бы обсудить отдельно. Берест пошёл впереди искать вывеску без ноги.

Улица вела вниз между складами. С крыш капало, хотя в тени под желобами ещё лежал зернистый снег. Мальчики бежали навстречу с пустой бочкой, они толкали её боками и ссорились из-за того, кто первым услышит внутри море. Женщина с корзиной обошла их, не прекращая разговора с подругой на другой стороне проезда. Здесь умели разговаривать сквозь скрип телег, крик чаек и удары молота по корабельным скобам.

На складах мелом писали названия городов. «Прибрежье» встретилось трижды, два раза на мешках под полотном и один — на чёрном борту зернового судна. Мы приехали с запада, Прибрежье лежало дальше к востоку, выше по Черне; между ним и Торгом река разбивалась на острова. Верея показывала мне это на карте ещё дома, но карту не качало у края страницы и не пахло от неё так, будто кто-то утопил целый лес, а потом велел ему цвести.

Первую воду мы услышали, не увидев. Под настилом у крайних складов работал глубокий ровный гул. Он напоминал, как по весне ручей проходит под мостом в Чернотале, только мост должен был бы накрыть целое поле. С берега напротив было видно не всё русло: островные ивы закрывали часть прохода, за ними темнела широкая вода. На дальнем отрезке караван тяжёлых лодок шёл к западным пристаням, а у нашего края несколько мелких судов ожидали своей очереди.

Берест придержал меня за рукав.

— Вон та, с сорокой на носу. Я хочу такую.

— Ты ещё вчера хотел плащ с мехом.

— Мне не запрещено хотеть после вчерашнего.

Лодка, на которую он указал, была низкой, узкой, с чёрной деревянной птицей у носа. Птице досталось слишком много краски на хвост и почти ничего на крыло. На палубе возились трое: подбирали длинные вёсла и стаскивали к борту корзины. Женщина в коротком тёплом кафтане стояла на сходне и без повышения голоса объясняла человеку наверху, что он должен подвинуть своё судно на два пальца. Судно было раза в четыре длиннее её лодки. Человек всё-таки подвинул.

— Попросишься к ней на службу? — спросила Верея Береста.

— Сперва выясню, чем она кормит людей. Потом назову благородную причину.

Я хотел сказать, что эта женщина мне уже нравится, но не успел. Вода у дальних свай перестала привычно ударять о дерево. Сперва это казалось пустяком: шум улицы остался, люди ещё ругались, чайка тянула из корзины длинную рыбью жилу. Затем она взлетела, а вслед за ней один за другим подняли головы гребцы на лодках.

На дальнем караване опустили вёсла. Все, по одному, не получив приказа от одного голоса. Пена между двумя островами задержалась на месте и пошла в противоположную сторону. За узкой протокой, ближе к городу, большая Черна по-прежнему несла ветки на запад, поэтому глаза несколько мгновений отказывались договориться между собой.

— Убери человека со сходни! — сказала женщина в кафтане своим.

На «Сороке» ответили сразу. Тот, кого она позвала, пробежал от носа к берегу и махнул старой женщине с корзиной, медленно спускавшейся к лодке. Старуха, должно быть, возила товары этим путём и не любила, когда молодые люди махали вместо того, чтобы подать руку. Она отстранила его и пошла дальше.

Длинное судно за нашей спиной повернулось носом к верхней пристани. Его канат натянулся, ослабилась смола на старом узле. Сошедшая с волны вода вернулась под настил уже другим ходом. Я шагнул на сходню как раз тогда, когда её край чуть отступил от берега.

— Стой! — крикнула женщина в кафтане.

Я решил, что крик адресован старухе, и потянулся к ней. Корзина у той поехала в сторону, нога сорвалась с мокрой доски; я успел поймать её под локоть и подвинуть к неподвижной свае. Старуха тяжело налегла на меня, задышала рыбой и луком. Тот парень с «Сороки» принял у неё корзину и уже готовился помочь ей подняться.

От движения лодки сходня снова ушла. Свободной рукой я схватил длинное весло, лежавшее вдоль борта, и упёр его в дерево, желая удержать нам проход. Дерево под веслом выпрямилось неожиданно быстро. Лодка не стала неподвижнее, зато её корма двинулась к сваям, где мы стояли со старухой.

— Я сказала, стой, а не строй мне новый берег! — произнесла капитан. Она перескочила на корму, выбила весло из моего упора и без всякого героизма завела его за другой край сходни. — Руку ей давай. Эту. Остальное оставь тем, кто знает, куда нас сейчас несёт.

Я выпустил весло. Вместе с парнем мы подвели старуху к ровной доске; та сердито сообщила нам, что могла дойти сама, и позволила вести себя до последнего шага. Корзину у неё отобрать оказалось труднее, чем удержать. Веревка сверху подала ладонь, старуха взяла её, оценив мою помощь по достоинству: больше не доверяла мне ни своего товара, ни прохода.

Когда все трое оказались на причале, капитан поправила ворот кафтана и посмотрела на меня.

— Ты из новых весенних проводников?

— Нет.

— Хорошо. Оттуда тебе было бы дольше идти домой.

Она сказала это без особой злости. С борта ей уже сообщали, что корзины на месте, старая пассажирка стоит на суше, а лодка не стукнулась кормой. Капитан повернулась к своим, дала две короткие команды и только тогда снова спросила:

— Старуху сам увидел?

— Да.

— Это верно. С веслом в следующий раз сперва спроси.

Старуха успела усесться на ящик между Вереей и Бере-
стом. Она потерла локоть и пробормотала, что ждать от су-
хопутных на воде вежливости всё равно напрасно. Но когда
я посмотрел на неё, поправила край своей корзины и кивну-
ла так, будто не намеревалась ссориться весь день.

Я вдруг почувствовал, что на пристани стало тихо. Даже
капитан прислушалась к чему-то за островом. Оттуда донёс-
ся глухой удар, будто по днищу огромной лодки стукнули
из глубины. Лисава велела своим отвести «Сороку» ближе к
сваям; объяснять приказ не стала. Там, где мы видели лишь
чёрную воду, поднялись тонкие мокрые ветви. Следом по-
казались кроны ив, целые, с молодыми светлыми листьями.
Струи лились с них обратно в реку, на ветвях блестели ма-
ленькие рыбачьи колокольчики. Один звякнул, когда над во-
дой поднялась его дуга. За ним отозвался другой, очень да-
леко; или мне так показалось из-за ширины воды.

По деревьям нельзя было понять, какой год стоял под Черной. Между корнями темнела крыша, крытая округлой черепицей, и на коньке ещё висела деревянная фигурка птицы. Мокрый сад выходил из реки не весь сразу. Одно дерево оставалось под водой по грудь, следующее стояло с сухой вершиной, а за ними в глубине поднималось что-то белое — возможно, стенка старого двора, возможно, солнце, сломанное на волнах. Люди на берегу смотрели каждый в своё место и не спорили, что именно видит сосед.

Берест молчал. Ему попался кусок мира, который он пока не мог сделать лучше словами. Верея подошла ближе к краю и сняла перчатку: с крайней сваи капало тёплое весеннее солнце, хотя ветер шёл холодный. Она коснулась моего запястья открытыми пальцами. С той ночи в Чернотале ей уже не нужно было каждый раз объяснять, почему она это делает; всё равно я замечал.

Между островами первые лодки осторожно повернули носами к востоку. Не по собственной охоте: вода в этой части Черны шла теперь против привычного движения. Человек на дальнем борту засмеялся, глядя, как его вытянутая сеть всплыла поплавками с другой стороны лодки. Капитан «Сороки» велела ему не радоваться рано и отдала своим гребцам ещё одну команду. Большие караванные суда держались на расстоянии, пока узкая вода не договорится сама с собой.

Прошло несколько минут. Кроны опять стали уходить; когда исчезла половина одного дерева, мне захотелось попро-

сидеть его подождать. На старой крыше ещё стояла вода и всё яснее виднелось, что фигурка на коньке — не птица, а конь с очень длинным хвостом. Затем крышу смыло из нашего взгляда, колокольчики умолкли, и пристань сразу заговорила громче. Кто-то спросил, на сколько задержатся суда. Старуха с корзиной ответила, что иной раз хватается одного вздоха, иной — люди успевают поседеть, пока считают. Капитан обернулась к ней:

— Тётка, хватит пугать приезжих. Сегодня и ты не успела бы сменить платок.

— Я и при обычной воде не тороплюсь.

На этом они сошлись. Я не знал, знакомы ли они давно или просто достаточно часто проходили по одной сходне.

Остальная Черна за городским мысом продолжала течь на запад. Здесь же вода после короткого беспорядка вновь ударила о сваи в привычную сторону. Караван наконец подошёл к причалу. Женщина на «Сороке» вывела лодку из тесного места без моего весла и, прежде чем оттолкнуться, ещё раз оглядела старухин локоть. Та подняла его в ответ, доказывая, что жива и сумеет донести свою корзину хоть в Прибрежье.

— Как зовут тебя? — спросил я капитана.

— Лисава. А тебя я уже запомнила.

— Имени ты не спрашивала.

— Я запомнила руку на моём весле. Пока довольно.

Она ушла по воде, где нос её лодки легко отыскал просвет между двумя грузными соседями. Берест сообщил мне, что

для первого знакомства я произвёл неизгладимое впечатление. Я ответил, что у неё другое мнение о пользе неизгладимых вещей. Верeya слушала нас и смотрела вслед «Сороке», прикидывая, как там стоят люди, когда доски под ногами сами выбирают движение.

Вечером мы нашли трактир по совету Береста. Советом послужил крик из окна: один из посетителей ругал похлёбку за то, что она закончилась до его третьей миски. Берест сказал, что в городах плохую еду ругают за вкус, а хорошую — за количество. Хозяин трактира не стал спорить с таким знатоком и поставил перед нами глиняные миски, каждую полную до края.

Внутри пахло чесноком, печёным тестом и сырой верёвкой от плащей на крюках. У стены сидели два речника, спорили о длине шеста, который один из них уронил за борт. В споре шест вырос до такой длины, что мог бы провести корабль по дороге. Другие посетители ели и не считали нужным поправлять их. В горшке на стойке грелись яйца, завернутые в мокрое полотно, а на открытой полке лежали ломти кислого хлеба. Хозяин пристроил нам скамью рядом с печью и спросил, не видел ли кто-нибудь его младшего сына: тот должен был принести соль, а принёс с пристани сведения обо всех чужих собаках.

За ужином мы не успели сказать о реке ничего толкового. Берест начал с дома под водой, отнял у моей тарелки ложку для примера и утопил её в похлёбке. Верeya изложила ему,

почему всякий дом, чей конёк оказался виден, не мог стоять там же, где он нарисовал его на мокром столе. Они поспорили, выпили горячего настоя и снова согласились лишь в том, что маленькие колокольчики действительно звенели. Когда ложка вернулась ко мне, я вспомнил, как Бронислав на девятый рабочий день наконец доверил мне собственный молоток, а через два дня я уронил его кузнецу на ногу. Берест немедленно спросил, засчитали ли мне за это тринадцатый день. Не засчитали; Бронислав сказал, что урок достался ему одному.

— Что тебе сказала Одарья перед отъездом? — спросила Веря, когда Берест на минуту умолк.

Он повертел хлеб в пальцах.

— Чтобы я вернул ей миску, которую она дала мне в дорогу. Никакой миски я не брал. У неё дома такая же стояла на окне, а моя нашлась у соседа под сиденьем телеги. Я уже приготовил длинное объяснение. Она велела сперва вымыть ту, что на окне, а потом рассказывать, какая принадлежит мне.

Берест откусил хлеб. Я подождал, не скажет ли он ещё чего-нибудь. Он сам продолжил:

— Про щит спросил только на второй день. Одарья сказала: «Ты ведь приехал посмотреть на меня, а не на него». Я сказал, что и на него тоже. Не понравилось ей. Потом она показала, где ремень протёрся, и попросила не трогать пока.

— Ты послушался? — спросил я.

— Представь себе. Я умею. Иногда.

Он отнял ложку у меня, вернул своей похлёбке должное и прислушался к спору за стеной. Там ругали уже не суп, а человека, который обещал дать судну место у пристани и ушёл на другой берег. Берест немедленно спросил хозяина, кто прав. Хозяин ответил, что оба должны ему за ужин. Разговор принял лучшее из возможных направлений.

Позже Верея повела меня к западным заливам. Не на те пристани, где мы стояли днём; здесь дорожка поднималась на низкую дамбу, вода по обе стороны была тише. За дальними береговыми деревьями лежал разлив, какого нельзя увидеть с улиц Торга. Отмели тянулись на запад, расходясь одна от другой, и к ночи казалось, что среди них нарочно оставили узкие тёмные пути для тех, кто не ищет прямой дороги. В воде отражался свет нескольких окон; выше этих отражений белел оставшийся снег. Пахло прошлогодним тростником, который весной намок и ещё не успел сгнить.

— Я хотела увидеть их зимой, — сказала Верея. — Тогда дерево на отмели можно принять за трещину во льду. Я приехала поздно.

— Здесь всё ещё холодно, если это поможет тебе простить себя.

— Не поможет. Мне хотелось именно льда.

Она могла рассердиться на время года не менее честно, чем на человека. Я стоял рядом и пытался представить, как ей было в городском дозоре, пока я трудился под Бронисла-

вовым молотком. Один разговор она закончила быстро. Провойторой сказала, что вернётся со свидетелем, который меньше любит собственный голос. Она не просила меня помочь; однажды я успел на неё за это обидеться и сам же передумал до вечера. Сегодня река заняла нас обоих.

— Ты ещё в Вышеграде заговорила об этой дороге, — сказал я.

— Я только предложила. Ты мог остаться чинить мост в Чернотале.

— Мог. Гришка назначил бы меня подсобным и проверял каждый гвоздь.

— Он и без того проверяет.

Я улыбнулся. Мне хотелось сообщить ей, что у воды днём я опять почувствовал себя мальчишкой перед работой, которую умеют все, кроме него. И одновременно — что это совершенно не огорчило меня. С Гордеем я успел узнать, на что способны мои ноги на земле. Лисава одним взглядом показала, сколько на реке способов упасть, не вступая ни в какой поединок.

— Хочу выйти туда, — сказал я и показал на тёмный промежуток между двумя отмелями. — Не сейчас. Когда найду человека, которому не придётся отнимать у меня весло.

— Можешь начать с просьбы взять тебя пассажиром.

— Пассажиром я уже умею. Хочу узнать, что делать, если лодке понадобится от меня польза.

Веря обернулась. В её лице не было ни удивления, ни

готового одобрения. Она слишком хорошо знала, как у меня появляется желание заняться чем-то, о чём утром я не имел понятия. Потом сказала:

— Сначала купи рыбу. Торговка до закрытия ряда расскажет всему городу, что ты приезжал только нюхать.

— Куплю завтра три куска. Если ты согласишься съесть один, мне простят остальные два.

— Берест свой уже съел глазами.

Мы задержались на дамбе, пока на дальнем берегу не погасло одно окно. Вечер стал темнее, вода перестала показывать отдельные кусты, но я всё равно видел промежутки между ними. Наутро я собирался купить обещанную рыбу и разыскать человека, который согласится провести нас по этой воде. Первая задача зависела от моего кошелька. Вторая радовала куда больше.

Глава 2. Три куска рыбы

Утром торговка не признала меня, пока я не спросил о рыбе.

— А, понюхавший, — сказала она. — Тебе сегодня снова дать целую для знакомства или уже принёс кошель?

Я положил ладонь на прилавок, чтобы она видела: кошель при мне, а коня, с которого можно назначать цену, я оставил в конюшне. Торговка сперва отрезала кусок Верее, потому что та встала ближе к ножу и не делала вида, будто покупка требует долгих размышлений. Потом мне. Над третьим задержалась.

— Твой молодой где?

— Здесь был. Пахнет рыбой, значит скоро объявится.

— Если по запаху ищешь, весь ряд сюда приведёшь.

Берест нашёлся за моей спиной, с горячей лепёшкой в одной руке и половиной чужого разговора на языке. Его перчатка, ещё совсем недавно скрывавшая перевязь, теперь просто грела зажившую ладонь. Он протянул свободную руку к маленькому обрезку с торговкиной доски, одними глазами попросив разрешения. Та могла отказать, но слишком любила наблюдать, как гости после первой пробы узнают цену целого дня на реке.

Берест откусил. Сразу попытался произнести что-то достойное переживания, не прожевал и замолчал. Верее забра-

ла свой свёрток, пока мы с торговкой им любовались.

— Три, — напомнил я.

— Четыре, если ты будешь оплачивать то, что он уже съел,
— сказала она.

— Он пришёл за собственным куском.

— Тогда я бы спросила его, кто купил лепёшку.

Берест наконец проглотил рыбу и сообщил, что лепёшка досталась ему в честном обмене. Хлебница, у которой он взял её, стояла у соседней печи и слышала. Она тут же уточнила: он обещал до полудня отнести пустую корзину на другой конец ряда. Берест не возражал, только спросил, нужно ли ему возвращать запах, если лепёшка пахла хорошим хлебом.

Хлебницу звали Малушей. Она вынимала из печи круглые низкие караваи, разрезала ещё горячими и продавала ломтями людям, которым недосуг ждать собственного ужина. Лицо у неё было обветренное, на запястье краснел узкий след от постоянной работы с печной заслонкой. С Берестом она уже успела разговориться так, словно он две недели ходил за хлебом именно к ней.

— Корзину донесёшь, — сказала Малуша. — Или позову сына, он умеет находить лодки и чужие долги одинаково быстро.

— Долги я ищу медленно, — ответил Берест. — Они обычно сами находят меня.

Я заплатил за три куска и за обрезок, который торговка

успела почти записать на счёт всей нашей семьи. Рыбу завернули в тонкую просоленную бумагу. Она была тёплой лишь от солнца, зато после первого кусочка у меня на языке долго держался вкус дыма и глубокой воды, если у воды вообще бывает вкус прежде, чем нахлебаешься её носом.

Веря ела на ходу. Она предпочитала сначала осмотреть пристань, потом решить, где сесть с хлебом. Берест нёс пустую корзину Малуши и на каждой улице находил предлог задержаться у лавки. Я ничего ему не говорил: вчера Лисава дала мне достаточно поводов не рассуждать об обязанностях других людей с высоты собственных удач.

Когда мы вышли к широким пристаням, река шла как положено, а люди на берегу жили с этим так шумно, что трудно было поверить во вчерашнюю тишину. Двое матросов ругались из-за мокрой бочки, третьему принадлежала сама бочка и потому не терпелось закончить спор. Гребцы переваливали через борт вёсла, по мосткам вразнобой стучали деревянные башмаки. Между больших судов двигались низкие лодки; одна доверху была нагружена луком, и запах от неё не нуждался в лодочнике.

У дальнего края площади собирались люди. Над головами виднелся нарисованный плащ: длинный, с высоким воротом, подбитый мехом. На картине человек в нём мог бы стоять зимой на городской стене и не замечать ни ветра, ни врагов. Настоящий плащ висел рядом на верёвке. Он был серо-синий, добротный, но до сапог не доставал даже у самого

невысокого зрителя.

— Вот то, что ты хотел вчера, — сказал Берест. — Плащ, который знает себе цену и врёт о росте.

На помост поднялся рыжебородый хозяин небольшого свободного судна. Он называл его «Волей», хотя большая часть слушателей знала лодку как «Ту, что привезла лук раньше других». Хозяин снял с головы шапку, сообщил, что начинает весенний набор работников и ищет людей, желающих посмотреть друг другу в лицо прежде, чем доверять вёсла и груз. Сегодня он обещал плащ победителю пристанного состязания, а вдобавок первое право нанять независимого проводника на ближайший весенний переход. Проводник, пояснил он, выберет себе плату сам и вправе отказаться от любого, кто примет очередь за право командовать человеком.

— Награда за бой — разговор? — спросил кто-то из толпы.

— У нас хорошие разговоры стоят дороже этих ваших плащей, — ответил хозяин. — Плохие я отдам даром.

Люди засмеялись. Веря спросила, действительно ли мне нужен плащ или я опять хочу понюхать товар, не купив его. Я посмотрел на серо-синюю шерсть. От моего старого дорожного плаща после двух недель оставалось достаточно ткани, чтобы защищать от ветра лишь при условии, что ветер был согласен дуть с одной стороны.

— Сегодня хочу выиграть.

— У тебя есть деньги на новый.

— Да. Но тогда нельзя будет рассказывать Гришке, как я получил его за умение драться.

— Ты можешь рассказать ему и о том, как заплатил серебром. Он оценит редкость.

Она сказала это, почти не меняя лица. Я мог бы передумать, если бы меня действительно интересовал один плащ. Меня интересовали слова о проводнике и собственная возможность выйти на воду не только гостем на чужой скамье. Когда я сообщил об этом, Верея отвела волосы с лица, посмотрела на помост и сказала:

— Тогда сначала узнай правила. Вчера ты хотел помочь капитану раньше, чем понял, о чём она просила.

Это было справедливо. Немного досадно оттого, что сказано вовремя.

На сухих досках у берега отметили просторную площадку. Участники могли приносить своё оружие; перед выходом старший из хозяевых матросов осматривал клинки и требовал убрать острые выступы с гарды, если те цепляли рукав. Правило оказалось простым: чистое остановленное касание плоскостью клинка в плечо или грудь, вынужденный выход обеими ногами за черту либо сдача. Колоть и рубить в полную силу запрещалось. Если человек пустит кровь там, где мог остановить руку, его снимут с состязания. Старший матрос хотел, чтобы к вечеру все участники могли сами донести домой выигрыш или обиду.

Я спросил, сколько поединков. Желавших оказалось четверо. Мне выпал молодой грузчик, который с первых шагов принялся выталкивать меня с площадки. Я дал ему пройти мимо, подхватил движение плоскостью клинка и остановил сталь у плеча прежде, чем его собственные ноги унесли нас обоих за черту. Грузчик сначала обиделся, затем решил, что рука всё равно останется при нём, и попросил показать, где именно стоял. На другой половине площадки Рагдай — так называли человека в плотной куртке — терпеливо пропускал перед собой речника в зелёной шапке. Тот хорошо работал мечом, но дважды забывал, что обе ступни тоже участвуют в бою. На третьем шаге он вышел за черту. Зрители признали решение судьи после двух разных объяснений, угрозы поставить новую ставку и вмешательства хлебницы с тёплыми караваем.

Малуша принесла на площадь корзину, которую Берест ей наконец вернул, и устроилась у самой крайней скамьи. У неё хорошо шёл хлеб. Пока она считала сдачу, из-за грузового судна высунулась мальчишеская голова. Мальчишка был худ, волосы у него намокли у корней, на щеке застыла белая полоска от муки — должно быть, утром он успел помочь матери прежде, чем побежать к воде.

— Ты ел? — спросила Малуша.

— Ел.

— Не ответ. Что?

— Хлеб.

— С чем?

— С речными делами.

Она дала ему каравай поменьше и велела отнести половину товарищу. Мальчишка возразил, что товарищ не просил, взял всё и тут же разделил на две части, стараясь, чтобы мать не заметила поспешности.

— Про длинный рейс вечером поговорим? — спросила она.

Яшко перестал жевать. Ему хотелось ответить, но с судна позвали: «Яшко!» Он обернулся раньше, чем Малуша успела поправить ему ворот, кивнул ей — не соглашаясь и не отказываясь — и исчез за мешками, потому что на лодке уже начали поднимать груз.

Когда нас вызвали на решающий бой, Рагдай вышел не спеша, поправляя ремень. Он носил короткий меч и куртку с плотными накладками на плечах; вид у него был такой, будто на площади он предпочёл бы работать, а не служить развлечением. Несколько речников знали его и подвинулись, освобождая место. Его называли сторожем одного из больших судов Ратши Нерети.

— Не буду бить по лицу, — сказал он мне, когда мы встали перед судьёй.

— Буду благодарен, если и в остальном не станешь слишком щедрым.

Он на мгновение улыбнулся, потом взгляд ушёл к моей руке с мечом. Может быть, понял, что я не случайный поку-

патель плащей; может, просто проверял расстояние. Рагдай был крепким взрослым бойцом. У таких людей за плечом больше утренних схваток на тесном борту, чем у меня было речных ночёвок. Зато его ноги сейчас стояли на сухих широких досках.

Я вынул «Отвод». Клеймо у пяты клинка давно потемнело, сталь оставалась ровной; Бронислав не зря заставил меня отработать каждую полную смену. Судья осмотрел гарду, коснулся ногтем режущей кромки и напомнил обоим, что за чужие порезы платить придётся самим. Рагдай кивнул. Я тоже.

Первые два шага противник отдал мне, не отступая. Он держал меч ниже, чем мне хотелось, и не смотрел на мой клинок долго: следил за плечом, за сапогами. Когда я приблизился, рука у него поднялась едва заметно. Я ожидал широкого удара сверху. Он ударил коротко в мою правую сторону и вместе с мечом подал вперёд тяжёлое плечо. Я отвёл сталь и успел уйти. Воздух у моей куртки всё равно качнулся от него; ещё полпяди — и меня вынесли бы за черту вместе с победным касанием.

Кто-то в толпе свистнул. Рагдай не торопился исправлять неудачу. Он снова занял середину и дал мне обойти его слева. Доски здесь были ровнее, чем у «Сороки», зато между ними набилась мокрая глина. Я проверил ступнёй опору, слишком явно. Рагдай воспользовался этим: шагнул навстречу, повёл меч к плечу и сменил направление прежде, чем я успел

коснуться его клинка. Пришлось уйти назад. По выражению судьи я понял, что третий такой шаг подведёт меня к границе площадки.

Верея стояла в первом ряду. Не махала мне и не делала того лица, с которым люди спрашивают глазами, нужна ли помощь. Она смотрела на Рагдаеву заднюю ногу. Я тоже взглянул и едва не пропустил следующего движения. Это всё ещё была моя схватка. Я рассмеялся над собой, чем противника насторожил сильнее, чем должен был.

— Чего? — спросил он.

— Моя знакомая упрямо пытается драться лучше меня, даже стоя за чертой.

— Пусть выходит после.

— Она не любит записываться в очередь.

Рагдай на разговор не потратился. Он пошёл быстрее, как только я закончил фразу, и я позволил ему провести меня почти к самому краю. В этот раз не проверял глину взглядом. Знал уже, где доска держит вес; отступил на неё и чуть открыл своё левое плечо. Рагдай заметил приглашение и не поверил. Хороший человек для боя. Он поработал остриём ниже, заставил меня закрыть грудь, лишь тогда пошёл плечом, как в первом обмене, — не повторяя ошибку в точности.

Мне понравилось, что он так сделал. Пришлось принимать его вес всерьёз. Я встретил его клинок не силой, а боковой частью гарды и скользнул вдоль стали на расстояние,

которое сам выбрал. Левая нога ушла с прежнего места; Рагдай продвинулся туда, где ещё мгновение назад стоял я. Его меч был готов вернуть меня к черте, но плечо уже не могло остановить собственный ход так быстро. Я повернулся на сухой пятке, выпустил давление гарды и вывел плоскость «Отвода» ему под правую ключицу.

Сталь коснулась кожаной накладки. Я остановил руку. Судья поднял свою короткую палку раньше, чем мы успели разойтись.

Рагдай взглянул на место касания, потом на свою ногу. Она была всего в шаге от границы. Его можно было бы вытолкнуть за неё, но моя рука уже держала выигрыш, и мне совершенно не хотелось добавлять победе лишний толчок. Я отвёл меч. Рагдай шагнул назад и сказал:

— Верно.

Я выдохнул, вытер большой палец о рубаху и не сразу убрал улыбку. Публика стала кричать, узнав, что бой кончился. Кто-то требовал ещё одного захода, потому что не разглядел последний поворот. Хозяин «Воли» возразил: за второй бой следует назначать вторую цену. Большинство зрителей сразу решило, что увидело достаточно.

Рагдай протянул руку. Я пожал её. Он стиснул пальцы крепко, но не ради наказания, и спросил, где я учился держать острие так близко, не уронив его под чужим весом.

— На дорогах, — сказал я. — И у одного старика, который прежде всего замечал, когда я хотел показаться умнее

собственной ноги.

Мне хотелось назвать Твердыту по имени. Я назвал. Рагдай кивнул, как кивают не знаменитому наставнику, а человеку, которого точно следовало слушать. На пристани кто-то уже просил меня показать поворот ещё раз, но о Твердыте мы договорили молча.

Только один человек решил, что я выиграл плащ не вполне честно: Берест. По его словам, я дожидался выхода Рагдай именно там, где солнце выгоднее блестело на мече. Я ответил, что солнце светило у меня за спиной потому, что иначе его закрыла бы огромная Берестова голова. Он признал половину довода и попросил рыбы за молчание о второй.

Хозяин снял плащ с верёвки. Надев, я понял, почему нарисованного человека не подпустили к настоящему товару. Подол заканчивался заметно выше, зато шерсть была плотной, ворот хорошо ложился на шею, а застёжка не расплзлась под пальцами. В такую вещь стоило завернуться ночью у воды, даже если на картине ею можно было накрыть целую лодку.

— До завтрашнего полудня первым подойдёшь к двум свободным проводникам, — сказал хозяин. — Они сами назовут плату. Сумеешь условиться — место твоё. Не сумеешь — позже подойдут другие. Я слово при них держу, они при мне своё.

— Разрешите задам глупый вопрос сейчас, чтобы завтра осталось меньше работы?

— Из-за глупых вопросов люди часто доезжают туда, где собирались высадиться. Задавай.

— Если найму, у кого брать лодку?

Хозяин широко развёл руками, показывая площадь, людей и реку за ними.

— Вот это тебе и придётся придумать. Мы не обещали судна. Могу дать поговорить со своим человеком, если «Воля» не уйдёт раньше. Но сначала реши, куда хочешь плыть.

Вопрос был непраздный. Накануне ночью я показал Верее тёмную щель между двумя отмелями, а утром уже рассчитывал на весенний переход. Я мог купить место пассажира и видеть воду, сколько захочу. Вместо этого стоял в выигранном плаще и пытался узнать, чем можно стать на лодке, если меч там занимает больше места, чем человек.

Верее подошла, расправила на мне ворот, словно искала изъян в судейском решении. Не нашла. Она посмотрела на людей вокруг: бережный владелец «Воли», разочарованный Рагдай, мальчишки, повторявшие мой поворот с камышинками, речники, способные завтра не взять нас ни за какие деньги.

— Слишком доволен, — сказала она.

— Это запрещено?

— Я пока думаю. У тебя вид, как у человека, который победил не Рагдая, а саму реку.

Она рассмеялась раньше, чем я нашёл достойный ответ. Смеялась не над моей ошибкой — её мы оба видели вчера,

— а над тем, как охотно я ловил каждое одобрение после боя. Я попытался придать лицу скромное выражение. Она рассмеялась ещё сильнее.

— Твердята бы сказал, что ворот чересчур высок, — произнёс Берест.

— Твердята велел бы ему расправить подол, прежде чем выносить приговор, — ответила Верея.

Берест потрогал шерсть, проверил застёжку и заключил, что я могу оставить плащ себе до первого ливня, когда выяснится, кому на самом деле принадлежит сухое место. Он не выглядел печальным, произнеся стариково имя, и я не стал его к этому принуждать.

На площади между тем возникло привычное для Торга движение, которому состязание ненадолго мешало. Большой плоскодонный корабль готовился отойти с порожними бочками вверх по реке. Люди поспешили к мосткам. Один грузчик не мог повернуть телегу в тесном проходе; прежде чем кто-либо начал отдавать приказы, с другого судна пришли двое и убрали с пути старую раму. Я смотрел, как много рук освободилось, едва хозяева перестали спорить, чей именно это проход.

— Вчера вы смотрели на «Сороку», — сказал человек у меня за спиной. — Хорошая лодка. Лисава не любит, когда ей советуют с берега, но обычно знает, куда он кончается.

Я обернулся. У человека были тёмные усы с несколькими седыми волосами и хорошие кожаные рукавицы. Кафтан

прост, хотя на поясе держался дорогой нож с рукоятью, потемневшей от частой работы. Он стоял чуть в стороне от приближавшихся грузчиков; те замечали его и меняли направление телеги без крика. Рагдай, уходивший с площадки, поднял ему два пальца — спокойно, как хозяину знакомой работы.

— Ратша Нереть, — сказал человек. — Я видел твоё последнее движение, Лука Могильник.

Моё имя за последние недели ушло по дорогам дальше меня. Оно иногда открывало двери, иногда мешало поест, прежде чем за столом начинали пересказывать мой бой чужими словами. Ратша произнёс его без особенного почтения, зато точно. Мне это понравилось.

— Ты видел и первое? — спросил я.

— Видел. Если бы Рагдай вспомнил о ногах прежде, чем о твоём мече, я бы сейчас жалел о его новой тёплой вещи. Он об этом и сам знает. Завтра будет вспоминать громче меня.

Он посмотрел вслед своему сторожу с чем-то похожим на довольство. Проигрыш человека не сделал его у Ратши ненужным.

— А ваши суда? — спросил я. — Тоже называют одно, а делают другое?

— Если говоришь о плаще, мне его не продавали. Если о лодках — приходи посмотреть. Они делают всё, что позволяет вода. Иногда люди обещают им больше, а потом сердятся на меня.

— На вас?

— На кого же ещё? — он показал в сторону от площади. — Это мой причал. Его строили речники, а потом каждый новый груз решал, будто построен он именно для него. Утром я отправил две бочки на запад и вернул одну обратно, потому что дно у неё отстало ещё на берегу. Купец обвинит моих людей в медленности. Вечером выпьет из своего товара и обвинит менее разборчиво. Такие дни мне нравятся: к вечеру никто не утонул, есть о чём спорить.

Сказано было с настоящим удовольствием человека, который знал цену работе. По соседнему мостку уже шли подростки с узкими вёслами на плечах. Один из них, Яшко, оглянулся на мать. Малуша поднимала с площади пустую хлебную корзину. Он поднял ей каравай, от которого съел лишь корку. Она показала кулак, а он засмеялся и исчез на борту. Ратша проследил, чтобы последний парень ступил на сходню, прежде чем снова обратиться ко мне.

— Первое право нанять свободного проводника, — сказал он. — Хороший выигрыш, если умеешь им воспользоваться.

Я не собирался просить у него объяснения, сколько стоит умение. Хотел, но не собирался. Он, кажется, разглядел желание и оставил его без ответа.

— Когда приду смотреть суда, возьму друзей, — сказал я.

— Возьми. Пусть та, что заметила Рагдаеву заднюю ногу раньше тебя, тоже посмотрит.

Верея подняла брови. Ратша кивнул ей без попытки объяснить комплимент. Он попрощался, остановил проходящего мимо работника и спросил про одну бочку у самой воды. Разговор у них был короткий, но работник мог возразить, и Ратша выслушал его до конца. Потом они вместе пошли к причалу.

За мной увязался мальчишка, державший в руках деревянный обломок вместо меча.

— А «Отвод» у Кощеева наследника должен светиться? Я ждал, когда засветится.

Я вынул клинок из ножен на ладонь. На стали темнел знакомый след; огня в нём не было.

— Сегодня ему хватило остроты, — сказал я.

Мальчишка разочарованно кивнул, но попросил показать, как я держал меч против Рагдая. За его спиной двое взрослых перестали спорить о цене рыбы и прислушались. Я показал хват. Он немедленно попробовал повторить, едва не ткнул соседа в сапог, и мы оба сделали шаг в сторону.

— Он смотрел весь бой, — сказала Верея.

— Я заметил.

— Не весь ты замечал. Тебе понравилось, как он назвал тебя по имени.

Я не стал отрицать. Слава, полученная у Тёплой крепости, прежде всего принесла обязанности, стражу, чужие просьбы и осторожность людей в дверях. Сейчас можно было на один день оставить себе удовольствие от того, что сильный про-

тивник на дороге не убил меня, а достойный мастер на чужой реке знает, кто я такой. Пусть даже этот мастер умел считать чужую радость не хуже грузовых бочек.

Лисаву мы встретили в полдень возле низких складов. Она сидела на перевёрнутом ящике, чинила край паруса и при каждом стежке проверяла, как тянет мокрая ткань. Один из её людей что-то рассказывал об утреннем состязании. Она велела ему помолчать, когда увидела нас.

— Весло пришло, — сказала капитан.

— Руки при нём, — ответил я. — Сегодня ни одну к лодке не прикладывал.

— Говорят, у тебя появилось право искать проводника.

— Так говорят люди, которые видели плащ. Ты бы взяла меня посмотреть на воду с борта, если бы я платил как пассажир и не трогал твоего имущества?

Лисава выпустила иглу из паруса и осмотрела меня внимательнее, чем вчера на сходне. На плаще взгляд задержался ровно на миг.

— Сегодня нет. Везу бочки в нижние амбары, места лишнего не будет. Послезавтра — может. За плату. Если попросишь помощи, скажу, какую могу дать. Если соберёшься сам править, предупреждай хотя бы за минуту, чтобы люди успели сойти.

— Минуты мне хватает на две глупости, — сказал я.

— Потому и прошу предупредить.

Она вернулась к парусу. Я не решил, можно ли считать

это приглашением, и не стал уточнять при всей её команде. Берест предложил записать мой ответ в городские песни: наконец-то я нашёл человека, который оценил мои способности к работе с лодкой по достоинству. Верея сказала, что послезавтра мы ещё должны оказаться поблизости; так она уже начала распоряжаться временем не хуже местных капитанов. Лисава услышала и усмехнулась в ткань, не поднимая головы.

К вечеру я вернул свой рыбий свёрток из прохлады трактирной кладовой. Хозяин пустил нас на крыльцо с мисками, чтобы Берест не объяснял всем за столом каждый удар заново. На площади кто-то действительно уже показывал мальчишкам неправильную версию моего поворота. Я не пошёл исправлять. Верея поправила лишь то место, где в рассказе Рагдай стоял лицом к реке: на самом деле река была у него за спиной. Рассказчик послушно передвинул ногу и сделал историю немного лучше.

Мы ели втроём. Третий кусок Бересту пришлось делить с собственным воспоминанием о даровом обрезке; в действительности он съел всё и попросил ещё хлеба. Плащ грел плечи, короткий подол не мешал сидеть. Снизу к нашим сапогам дошёл прохладный речной ветер. Я смотрел на лодки, одну за другой возвращавшиеся к берегу, и пытался различить среди них «Сороку». Пока не умел. Зато завтра первым поговорю с человеком, который водит их по этим проходам, а послезавтра, если Лисава не передумает, наконец увижу во-

ду с её борта.

На соседнем причале Яшко принял у матроса последнее весло и перенёс его в сухой сарай. Малуша, уже закрывшая печь, дождалась его у сходни с тем самым маленьким караваем. Он спорил, что доел первую половину; она говорила, что теперь у него появился случай доказать. Они ушли в город рядом, хотя мальчишка дважды оборачивался к реке.

— Ты после победы совсем перестал слушать, — сказала Верея.

— Я слушаю.

— Тогда что я спросила?

Я вынужден был признать, что вопрос до меня не дошёл. Берест немедленно вызвался повторить его, придав Вереиным словам вид строгой военной обязанности. Она бросила в него крошкой. Я засмеялся раньше, чем выяснил, о чём шёл разговор. Мне нравились выигранный плащ, рыба на пальцах и то, что на завтра у нас пока не было никакого приказа.

— Куда ты собираешься нанять проводника? — повторила Верея. — Лодку ты пока не выиграл.

— Сперва вокруг ближайшей отмели. Потом к тем деревьям, что звенели вчера. Хочу увидеть их снизу, между стволами.

— Они не каждый день показываются.

— Значит, придётся задержаться.

Берест заявил, что в этом случае ему потребуется второй

ужин на реке, а лучше и третий. Веря принялась объяснять ему разницу между оплаченной едой и воображаемым судом. Я слушал, поглядывая на невидимые отсюда острова. Плащ грел даже теперь, когда я сидел неподвижно, и мне не хотелось снимать его до самой ночи.

Глава 3. Чужая подпись

Утром плащ оказался ещё короче, чем вечером. Я застегнул его до горла, подошёл к зеркалу в трактирной комнате и обнаружил, что выгляжу как человек, который выиграл спор с холодом, но забыл договориться о ногах.

Верея, уже одетая, смотрела из окна на двор. Под навесом хозяйка вычёсывала Крапиву; та терпела щётку ради овса и поглядывала на Кедре, словно подозревала его в какой-то выгоде.

— Ты обещал разговаривать с проводниками до полудня, — сказала Верея. — Плащ не заменит разговора, сколько бы ты перед ним ни поворачивался.

— Я повернулся один раз.

— Три. Один был вместе с зеркалом.

На лестнице нам встретился Берест с новым известием: в Торге продают пирожки с рыбой, в которых рыбы столько, что продавцу хватает одного запаха на всю партию. Он был готов показать место, где это выяснил, и человека, которому собирался вернуть пирожок после того, как тот исчезнет. Верея вручила ему половину нашего хлеба, и мы пошли к пристани. Берест решил отнести остаток пирожка коню; о судьбе опытов с Кедром я попросил его сообщить после работы.

Хозяин «Воли» действительно сдержал слово. Он поставил у своего судна скамью, на неё — глиняную чашку с сухи-

ми горошинами и по одной отодвигал их, когда к нему подходил человек, желавший первым говорить с проводником. Две горошины остались нетронутыми.

— Победитель дошёл, — сказал хозяин, завидев мой плащ. — Я уже начал думать, что ты ушёл показывать его на другом берегу.

— До полудня у меня ещё время.

— У них тоже. Потому и поставил скамью у воды, а не у твоей двери.

Первым он позвал седого Прокопа, которого все, включая его самого, именовали Сухарём. Тот привёл нас к краю мостков, где были видны две полосы воды. В одной плыла шелуха от зерна, в другой, совсем рядом, застрявшая ветка понемногу разворачивалась против течения.

— Меня нанимают до Прибрежья по большой воде, — сказал он. — И обратно, когда я сам посмотрю на небо. Внутри островов не поведу гружёное судно ради обещания, что всё пройдёт быстро. Вчерашняя вода может тебя наградить красотой, а сегодня забрать гребца. Плата у меня высокая. Она включает право не плыть.

Он говорил без угрозы и не понижал голос, когда мимо прошёл человек Ратши. Я спросил о спокойном южном проходе. Сухарь мог показать его с берега, но вести там крупную лодку не брался: за одним из поворотов каждый год сыпало мелкой глиной новое место. Он даже назвал два суда, вернувшихся оттуда прошлой весной с целыми людьми

и потерянным грузом.

Вторая проводница, Олеся, опоздала на несколько минут, потому что помогала поставить носом против ветра лодку, хозяин которой утверждал, будто ветер обязан учитывать время прибытия зерна. Олеся сняла мокрые рукавицы, вытерла ладони о край куртки и спросила, есть ли у меня судно.

— Пока нет.

— А груз?

— Тоже пока нет.

— Ты выиграл право разговора со мной за бой?

— И плащ. Он настоящий.

Она взяла подол двумя пальцами и ощупала шерсть.

— Да. А вот рейс у тебя ещё нарисованный. С таким многие приходят. Обычно требуют самую короткую воду, когда узнают цену длинной.

Я мог обидеться за свою победу, но Олеся не смотрела на неё как на недостаток. Ей нужно было выяснить, стоит ли тратить утро. Я рассказал, что видел в первый день на пристани, показал тёмный промежуток между отмелями, куда хотел добраться, и спросил не о коротком пути, а о том, какой путь она согласилась бы провести для человека с ещё не нанятой лодкой.

Олеся сначала вывела меня к старой лестнице. Нижние ступени в ней уже превратились в жильё мелких ракушек. Она указала на высохшую полоску водорослей выше моей головы, потом на свежую, внизу.

— Первую оставила осень. Вторую — позавчерашний прилив из островов. Здесь нет моря, но если кто-то скажет тебе, что вода всегда приходит только с одной стороны, не нанимай его даже за дармовую рубаху. В южный обход я пойду с пустой или лёгкой лодкой. С зерном — после нового промера. Севером у меня ходили отец и дядя; я за ними не повторю только потому, что они умеют рассказывать, как вернулись.

Из воды возле лестницы выглядывала полусгнившая ступень. Олеся велела дожждаться, пока лодка в дальнем проходе скроется за островом. Пока мы ждали, она говорила о своей дочери, которая собиралась пойти в ученицы к резчику по кости и потому с утра пыталась проверить, сколько стоят любые руки, кроме материнских. Сухарь, стоявший поодаль, неожиданно сообщил, что хороший резчик сначала учит точить нож, и получил в ответ: пусть сперва вернёт её дочери заимствованное шило. Они знали друг друга давно и умели ссориться на две беседы вперёд.

Когда лодка скрылась, вода у ступени изменила голос. Тихое царапанье под нижней доской прекратилось, хотя поверхность ещё шла ровно. Я наклонился и увидел, как тонкая нить пены тянется поперёк ступени, а потом распадается.

— Это тоже не часы, — сказала Олеся. — Но глаза полезнее чужого обещания. Сейчас не перевернёт. К полудню посмотрим опять.

Мы вернулись к «Воле». Я назвал плату, на которую мог

решиться, прежде чем она успела назвать свою. Олеся назвала больше, добавила поимённо гребцов, которых захочет видеть на незнакомом судне, и вычеркнула из моего воображаемого рейса два опасных места. Получилось дорого, но не невозможно. За небольшой задаток она согласилась до завтрашнего заката держать для меня один лёгкий южный выход; если лодки я не найду, задаток останется платой за утро и за показанные признаки воды. Я заплатил. Хозяин «Воли» досчитал горошины и при мне повторил условие, чтобы завтра ни один из нас не стал вспоминать его иначе.

— Лодка всё ещё нужна, — заметила Верея, когда мы отошли.

— У меня уже есть человек, который скажет мне «нет» по делу. Вчера я даже этого не имел.

Олеся услышала и не обернулась, только подняла рукавицу в знак того, что оплата не сделала её глухой.

Берест нашёл нас возле канатного ряда. Вместо пирожка в руках у него была Малушина пустая корзина. Его лицо изменилось прежде, чем я успел поддеть его за новую работу.

— Яшко дома, — сказал он. — Был ночью. Утром не пошёл к судну. Малуша велела позвать тебя, потому что вчера видела, как Ратша говорил с тобой. Я объяснил, что вы не друзья. Она сказала: тем лучше, не придётся портить дружбу.

В хлебном ряду печь Малуши горела, но скамья для покупателей опустела. Она стояла в дверях, держа обеими руками доску с несколькими ещё сырыми караваем. Рядом Яш-

ко счищал с рукава муку, хотя муки там давно не осталось. За его спиной две соседки следили за печью. Им велели не спорить о жаре, и они уже спорили шёпотом.

— Он домой приходил, — сразу сказала Малуша. — Не цепью к борту прикован. Ты вчера видел. Только домой приходить можно, а уйти из ученичества нельзя. Скажи ему сам, как будто я этого не говорила.

Яшко посмотрел на неё.

— Я слышал с утра.

— Значит, скажешь, что опять слушал.

Малуша поставила доску на лавку и велела мне не стоять на пороге: оттуда тянуло холодом прямо на тесто. Я вошёл и почувствовал жар в лице. Печь дышала так, что у дверей ещё пахло мокрой улицей, а возле неё уже сохли губы. На широком столе лежало пять плоских кругов сырого хлеба. В каждом Малуша сделала ногтем по две маленькие борозды. Один круг был кривым; она накрыла его полотном раньше, чем я мог разглядеть.

— Я не хочу на длинный рейс, — сказал Яшко. — До Прибрежья и обратно меня возили. Я умею. Но этот отправится севером после разлива, и старший говорит: если я уже проводил по югу, то научусь по северу, пока еду. Там у них две новых лодки. Они даже старые корни не все знают.

— Ты сказал об этом старшему?

— Он велел сказать матери, что за меня уже получено место. Я и сказал. Только она вчера думала, что я боюсь воды.

Малуша сняла с ладони тонкий слой засохшего теста.

— Я думала, ты хочешь остаться печь со мной. А ты хочешь на воду, только другую. Мне нужно было спросить раньше, да я спросила, когда уже рассердилась.

Малуша согласилась оплатить еду и обучение, если Яшко уйдёт до конца сезона. Она умела читать счёт и собственное имя, а за остальным попросила прочесть вслух при старом пристанном свидетеле Саве. Тот день ей помнился по первому куску хлеба, заработанному сыном на воде: Яшко не стал есть, пока она не попробовала.

— Я не ищу, кто из нас вчера был безгрешен, — сказала она. — Я хочу заплатить за то, чему его научили. Не за то, чего мне не называли.

Яшко положил на стол второй лист, полученный этим утром. На нём перечислялись провиант, одежда, место в команде и потеря от задержанного рейса. Сумма была такой, что моих денег на две дороги не хватило бы, даже если бы я продал плащ вместе с человеком внутри. Сбоку стояла знакомая Яшкова подпись.

— Это ты написал? — спросил я.

— Да. Мне дали записать выдачу куртки и сказать, в какой день я заступлю. Я подписал, пока старший держал лист. Там ещё не было всех этих строк. Или были с другой стороны. Я не посмотрел. Я думал, что куртку мне выдали, вот и подпись моя.

Он не просил считать себя неграмотным или невиновным

в каждом движении руки. Оттого смотреть на лист было тяжелее. Малуша провела пальцем возле имени сына, не касаясь чернил, будто пятно могло перейти на кожу.

— Если он останется дома, они пришлют счёт, — сказала она. — Утром один человек предложил другую плату. Я отправила его туда, куда не следует отправлять человека, если хочется, чтобы он ушёл спокойно.

— Другую?

— Годы. Не золото, не серебро. Мои годы. Он принёс медную мерку и сказал, что старым способом можно покрыть почти всё. «Добровольно», — добавил. На моём же пороге.

Верея сняла перчатку и опустила ладонь на край стола; не на Малушину руку. Она слишком хорошо знала, как человеку неприятно, когда его горе сразу превращают в повод утешать.

— К Ратше ты уже ходила? — спросила она.

— К его старшему. Он сказал, что хозяин сейчас с зерном. Я пойду опять, но сначала хотела узнать, отчего в городе после слова «годы» некоторые делают вид, будто речь о муке.

В хлебном ряду за окном кто-то рассмеялся, выбирая булку. Разговор у печи не сделал Торг тихим. Я попросил Яшка назвать человека, который был при первом обещании, и спросил, помнит ли он, какое именно северное судно готовят. Малуше я предложил оплатить остаток честной цены за обучение, если она согласится считать сумму вместе со мной. Она смотрела на меня несколько мгновений, потом

кивнула и спросила, откуда я возьму столько денег. Я ответил, что пока не знаю даже настоящей суммы.

Берест уже открыл рот, чтобы спросить о Саве. Малуша сунула ему в руки готовый каравай и сказала, что старик к этому часу бывает у старой весовой будки, если не прячется от своей сестры. Берест пообещал найти его раньше сестры. На этот раз он вышел без шутки про корзину.

Мы с Вереей остались. Яшко вынул из печи хлеб, который уже подошёл, и Малуша впервые за утро поправила его работу — один каравай он посадил слишком близко к краю, там корка схватится раньше середины. Он переставил лопату, не споря. Мне нравилось видеть, что они могут быть вместе у печи, даже когда не находят слов друг для друга.

— Ты любишь реку? — спросил я у него.

Малуша подняла голову. Она, кажется, ждала другого вопроса.

— Да, — ответил Яшко. — Особенно когда идёт обычная. Но и обратную люблю. Не всё время.

— А если бы тебя никто не удерживал?

Он потёр запястье, на котором ещё виднелась светлая полоска от снятого рабочего шнура.

— Снова вышел бы. Только не в этот рейс. И не так, чтобы мать ночью считала мои дни вместо своих.

Я не стал спрашивать, сколько ему лет. При свидетелях его подпись уже считали достаточно взрослой, а когда он отказался, вдруг вспомнили, что за него отвечает мать.

У весовой будки Берест нашёл Саву, а вместе с ним и Савину сестру. Она хотела знать, почему брат вчера обещал прийти чинить ставню и теперь прячется за мешками. Берест сообщил, что ставня ещё успеет пострадать, а вот мальчишка сегодня нуждается в человеке, способном помнить собственные слова. Женщина посмотрела на брата с выражением, которое обычно заставляет хорошо вспоминать. Сава вышел к нам сам.

В тот день, когда Малуша отдала Яшка в ученики, он действительно сидел за столом. Сава помнил, что Ратша обещал еду, работу и возможность матери выкупить остаток обычной службы, если мальчик уйдёт до срока. Сава не называл себя другом Ратши, но два года помогал отмечать глубины для его судов и не собирался изображать человека, который впервые услышал имя хозяина.

— Я поставил знак свидетеля, — сказал он. — За то, что было сказано. За северный рейс я тогда ничего не слышал.

— Ты пойдёшь с нами? — спросил я.

Он посмотрел на сестру.

— Пойду. Только вы не повторяйте, будто я обещал выиграть разговор. Я обещал сказать правду, когда меня спросят. Разница в Торге дорого стоит.

Сестра заставила его сперва пообещать вернуться к ставне. Берест взял у неё ненужный гвоздь и сунул себе за ухо, как напоминание обоим; весь путь до пристани он с необычайной важностью объяснял Саве, какую ответственность

теперь несёт за чужое окно. Старик не мог решить, раздражает его наш спутник или забавляет, и потому отвечал не на все вопросы. У Вереи нашлось достаточно терпения дать им договорить.

У большого причала Ратши не было ничего похожего на зал ожидания. Люди с мешками, жердями, бочонками смолы, чистой водой для питья шли в разных направлениях, и многие знали своё место без указания. На длинной лодке поднимали мешки с зерном. Один раз двое рабочих не удержали тяжёлый край; сосед подставил плечо раньше, чем с берега крикнули о помощи. Поверх сложенных мешков стояла женщина с меркой, и каждый новый груз она проверяла своей рукой. За её спиной мальчишка, чуть старше Яшка, повторял вес вслух. Никто там не выглядел декорацией к нашему спору.

Я остановился, чтобы пропустить телегу. Возчик спросил, не здесь ли тот боец, который вчера выиграл плащ на один размер меньше. Я ответил, что выиграл его на свой размер, просто вывеска была ростом с другое царство. Он засмеялся и пошёл дальше. Почти сразу к нему подошла женщина с пустым мучным мешком и спросила, когда вернётся судно из Прибрежья. Возчик перестал смеяться и назвал ей день, если ветер позволит. Она не стала уточнять, что будет, если не позволит.

Ратша стоял у сходни с куском хлеба в одной руке. Другой он придерживал край намокшей карты, которую пытался

сложить без помощи ветра. Когда увидел Саву, обрадовался не меньше, чем при встрече со мной.

— Ты наконец пришёл спорить о той старой ставне? — спросил он.

— Твоя сестра меня опередила, — ответил Сава. — Сегодня о другом.

Ратша свернул карту и позвал нас туда, где к борту не подходили телеги. Я первым заговорил об оплате остатка обучения и назвал сумму, которую мы с Малушей успели вывести из первого обещания. Ратша уже приготовился отвечать, когда пришла Малуша, оставив печь на соседок. Яшко остался дома по её просьбе: она не хотела, чтобы ему при всей команде снова пришлось объяснять свой отказ от рейса.

— Ты договаривался со мной считать вместе, — сказала она мне. — А пришёл и назвал мою цену за сына без меня.

Я успел почувствовать, как удачно начал разговор; от этого её слова обожгли сильнее. Я хотел возразить, что предложил свои деньги, но она стояла рядом, и этот довод оказался для неё хуже молчания.

— Я поторопился, — сказал я.

— Вижу. Теперь я сама отвечаю, что признаю в этом счёте.

Ратша переспросил о двух выдачах сапог. Выдачу первой пары Малуша признала. Второй на Яшке никто не видел.

— Вторые сушатся, — сказал Ратша. — Заберите, если уйдёт. Я не стану продавать вам сапоги, в которых он не ходил.

На миг мне захотелось полюбить его за это. Потом он заговорил о следующем судне и велел посмотреть на сходню. Возле неё ждали трое молодых речников. Двое могли грести, один уже умел различать корни в южном рукаве, но северный при высокой воде не знал никто из них без старшего. Яшко не был старшим; в команде его ставили с опытным проводником. Однако если убрать одного человека из малой лодки сейчас, вместо него придётся снимать кого-то с зернового судна, а зерно в Торг придёт позже. Ратша назвал два двора за городом, где уже делили муку не на мешки, а на дни. Сава подтвердил, что такой год у верхнего берега бывал и прежде, а эта весна не обещала много легче.

— Я могу найти другого гребца, — сказал я.

— Ты можешь найти сильную руку. Мне нужна рука, которая в темноте не отпустит весло ради красивого прыжка, и глаза, знающие своё мелкое место. Я учил их не затем, чтобы продавать матерям обратно; я учил, чтобы они довели зерно. Плату за это брать мне не стыдно. А если ты сегодня купишь мальчика у моей работы и завтра посадишь вместо него друга, который позавчера стоял перед рекой с чужим веслом, стыдно должно быть тебе.

Берест дёрнулся. Я положил ладонь на его локоть. Мне не понравились слова Ратши, но вопрос об умелом гребце от них не исчез. Я сказал, что не собираюсь вести судно сам, и назвал Олесю. Ратша знал её; узнав, что она согласна идти только южным лёгким путём после выбора судна, одобри-

тельно кивнул.

— Она хоть скажет тебе, чего не умеет. Это редкая услуга. И дорого берёт. Для одного мальчика ты устроишь малую прогулку — а где достанешь зерно для тех, кто ждёт большого судна?

Малуша всё это время смотрела на мешки. Она сама знала цену муке лучше меня. Теперь подняла к нему глаза.

— Когда мы говорили о весенней работе, ты обещал мне остаток ученичества, который можно оплатить. Сава здесь. Я принесу честную плату. Моего сына не покупай для меня заново.

Ратша не сделал вид, будто не помнит Саву. Он сказал, что обещание осталось в силе, и вынул лист. Стоимость еды и обучения была выписана отдельно. Ниже шли сумма за место в команде и убыток от снятого с рейса человека. Малушиного имени под этим не было. Стояла подпись Яшка.

— Он расписался за куртку, — сказала Малуша.

— За место, на которое сам пришёл, — ответил Ратша.
— Куртка прилагалась. Я не стоял у него за спиной с ножом. Спросите Саву: я не назначаю мальчишке рейс без старшего.

Сава не стал подтверждать того, чего не видел.

— Я был при первом разговоре, — сказал он. — Здесь не был.

— И всё же подписал в первый раз, — произнёс Ратша, взглядевшись в стариков знак рядом с Малушиным именем.
— Ты свидетель честного начала. Не берись теперь свиде-

тельствовать за каждый следующий день.

Сава привстал на носки, будто хотел разглядеть над плечом Ратши нечто большее, чем документ.

— Я за своё слово отвечаю. Не за чужое.

Яшкова подпись выглядела на листе удивительно уверенной. У печи он не был так уверен, даже когда говорил о реке, которую любил.

— А человек с меркой для годов? — спросила Верeya.

Ратша оглянулся к причалу, где грузчики как раз отодвигали мешки от воды. Он не сразу ответил.

— Он пришёл к вам от моего сборщика, — сказал он Малуше. — Я знаю, как мерная служба предлагает закрыть большие долги. Не я держу мерку. Если хочешь, запрещу ему ходить к твоей двери. Ты получишь счёт серебром, и он не станет меньше.

Малуша шагнула к нему так быстро, что Берест отступил, освобождая место. Она не собиралась бить Ратшу: её руки были обожжены печью, и на одну из них прилипла сухая мука. Она положила эту ладонь рядом с листом.

— Ты знал, что он придёт. И всё равно дал ему мой адрес. Теперь предлагаешь мне быть благодарной, если он не вернётся?

Ратша не стал разыгрывать обиду. Он отвёл взгляд к воде, потом вернул его ей.

— Я предложил тебе счёт. Ты вправе не брать мерку.

— Я и не возьму. Счёт твой не стану называть честным

оттого, что ты разрешил оставить себе годы.

Ни один из нас не нашёл короткой реплики, которая улучшила бы этот разговор. На большом судне уже поднимали парус, и в паузе слышалось, как мокрое полотнище тяжело хлопает о мачту. Ратша сложил лист. Малуша не сделала попытки его отнять: свой первый договор она держала дома, а этот должен был однажды увидеть кто-нибудь кроме нас.

— Отпустишь его сегодня? — спросил я.

— Сегодня он дома, — сказал Ратша. — Завтра рейс. Если дадите мне человека, который умеет его работу, и возьмёте на себя доставку, поговорим о деньгах без потери груза. Если нет — выбирайте: закончить обещанную службу или возместить её прекращение. Я не остановлю зерно ради того, чтобы ты снова оказался прав перед свидетелями.

Я хотел сказать, что зерно не принадлежит ему. Но сейчас оно было на его судне, под руками людей, которых он собрал и научил. Его знание реки нельзя было отменить моим желанием.

Сава кашлянул, чтобы привлечь внимание Ратши.

— Куртку вторую ему всё-таки не записывай, — сказал он. — Ты обещал не продавать. И срок первой работы считай с того дня, когда он вышел на воду, а не когда получил ремень.

Ратша посмотрел в бумагу и кивнул помощнику, чтобы тот поправил две строки. Сумма стала меньше. До утреннего рейса Малуше всё равно не расплатиться.

Пока мы возвращались к хлебному ряду, Берест несколько раз начинал говорить и бросал. Наконец спросил:

— Если принести им судно, кто поведёт?

— Олеся возьмётся за лёгкое, — сказал я. — Не за большое с зерном.

— Значит, ещё два судна. И мука. И люди, которым не страшно вечером прийти домой с пустыми руками, если не вышло.

— Вижу, ты завёл себе счёты.

— Пока только перечисляю то, что не влезет в мой пирожок.

Верея шла по другую сторону от него и всё время смотрела не на реку, а на дорогу к складам. Она остановилась возле поворота.

— Я могу узнать, какие баржи у города простаивают и кому разрешают пользоваться восточным сходом. Если хочешь. В дозоре здесь есть люди, которые считают грузы, когда никто не приказывает им охранять чужую прибыль.

— Хочу.

— Тогда не обещай сегодня, что завтра поведёшь зерно. Ты не видел даже порожнего судна в обратной воде.

Сказала это без улыбки. Я обещал не давать даты. Верея ушла к городскому подъезду, оставив нам право ошибиться с дорогой обратно к печи. Берест уверял, что знает её по запаху; через три переулка признал, что запахов в Торге больше одного.

Яшко встретил нас у окна. Малуша вошла первой, положила на стол принесённую Савой маленькую поправку к счёту и сказала, что этим пока не накормить никого. Он не спросил, свободен ли. По тому, как она сняла передник, мальчик понял ответ.

— Я могу выйти завтра, — сказал он. — Не хочу, но люди на судне мне не чужие. Ты не иди к человеку с меркой, даже если они в дороге передумают и назовут вдвое больше.

Малуша обернулась к нему.

— Как ты собираешься запретить мне глупость, если сам собираешься делать то, чего боишься?

— Я не запрещаю. Я прошу.

В этот раз она позволила ему обнять себя. Мне стало неловко стоять рядом, и я занялся кривым караваем под полотном. Он вырос во время нашего отсутствия, но край пересох. Я смачивать его не стал: не понимал, что там испорчу. Берест вышел за дровами, которых никто не просил, и вернулся с горстью щепок, потому что чужие большие поленья ему не доверили.

Когда мать и сын сели, я рассказал, что успел выиграть накануне кроме плаща. Первое право поговорить с проводниками стало оплаченной договорённостью с Олесей. Она не повезёт тяжёлое зерно через север. Я пока не нашёл судна и не могу снять Яшка с его работы. Но если удастся собрать людей и груз для другого хода, Ратше придётся спорить уже с прибывшим зерном, а не с нашими пожеланиями.

— Это когда? — спросил Яшко.

— Не завтра утром.

Он кивнул. На лице его было разочарование, хотя он не ждал иной правды. Я не стал заглаживать его обещанием о сроке, которого не знал.

— Мы проведём груз так, чтобы за твою дорогу домой никто не продавал мать, — сказал я. — Мне понадобится помощь людей, которые знают реку лучше меня. Твоей подписи на новом листе не прошу.

Яшко повернул лист с выписанной суммой так, чтобы не видеть собственное имя. Малуша взяла его из-под руки и спрятала в хлебную коробку: ни одну чужую строку она не собиралась терять. Когда я предложил снова пойти с ней к Ратше, она сказала, что сперва решит это с Яшком. Потом велела Бересту положить щепки возле печи, раз уж принёс, и спросила, ел ли кто-нибудь из нас с утра помимо уличных пирожков. Все трое ответили по-разному. Она отрезала хлеба на четверых, не объявляя это наградой.

После обеда Верея вернулась с двумя названиями свободных барж и именем владельца, который когда-то обошёлся без Ратшиного причала. Ей самой хотелось поговорить с женщиной, державшей городской сход: та отказалась отвечать на улице и назначила встречу после смены. Я показал Верее хлеб, оставшийся у меня в кармане. Она спросила, сколько денег я уже пообещал реке, о которой до приезда не знал почти ничего. Названная сумма ей не понравилась. Об-

ратно я её не получил.

Вечером мы вышли к пристаням без Малуши и Яшка. На больших судах ещё крепили груз. Тот самый тёплый плащ оказался кстати, когда ветер пошёл вдоль воды и залез под ворот. Я снял его с плеч, чтобы проверить шов возле застёжки, и на миг подал Бересту. Он тут же примерил и сообщил, что вещь стала длиннее, едва сменила хозяина. Верея зажала край пальцами, не давая ему укрыть от ветра всю свою правоту.

По реке прошла маленькая лодка без груза. Человек на её носу смотрел вниз, а не туда, куда остриём указывал корпус. Она обошла две тёмные отмели, между которыми я в первый вечер хотел пройти, и вышла обратно к ровной воде. Я попробовал угадать, где лодка начнёт поворачивать. Угадал слишком поздно и всё же смотрел ей вслед до самого причала.

— Завтра Лисава может взять нас, — сказал я. — Пассажирами. За деньги. Я хочу посмотреть с воды, где она поворачивает и почему.

— Мне тоже интересно, — ответила Верея. — И я схожу с тобой не в качестве присмотра.

Берест поинтересовался, кто тогда будет присматривать за ним. Мы предоставили ему полную свободу спросить об этом у Лисавы. Он решил сперва узнать, чем она кормит пассажиров.

На причале кто-то трижды ударил в пустую бочку, про-

веря её дно. Издалека ответил другой стук, не попад; возможно, там тоже проверяли бочку, а возможно, звали к ужину. Я натянул плащ, ощутил под пальцами добрую шерсть и ещё раз посмотрел на тёмную полосу между островами. Утром она никуда не денется. Наших дел в ней к тому часу может стать больше.

Глава 4. Кость на качке

Хозяйка конюшни потребовала денег, прежде чем я успел сообщить, что вернусь к вечеру.

— Первые три дня кончились, — сказала она. — Ваши лошади считают дни сеном. Особенно вон та, с умными глазами.

Крапива смотрела на нас поверх кормушки. Ум у неё всегда заметнее работал, когда разговор касался еды. Я заплатил ещё за три дня, Берест взялся сам вычесать Кедр и своего коня, а Верея проверила на своей лошади подпругу: та вчера натёрла бок под пряжкой. За три дня в Торге мы успели придумать себе забот больше, чем у некоторых людей за целый месяц. Мне от этого было хорошо.

Ночью мне приснились деревья под водой. Не те, что высывались над рекой, а привычные чернотальские яблони, с которых Гришка всё пытался сбить прошлогоднее гнездо. Я проснулся с желанием увидеть острова с «Сороки», пока явь не успела опять превратиться в спор о цене зерна.

На пути к низким складам мы застали отходившее судно Ратши. Яшко стоял на корме рядом с двумя старшими речниками. На берегу Малуша подняла руку; он заметил её не сразу, зато махнул так широко, что один из старших обернулся. Потом мальчишка снова взялся за своё весло. Малуша дождалась, пока судно минует край пристани, и пошла от-

крывать печь.

Лисава ждала у низких складов. Она проверяла борт бо-
сой ногой: сапоги поставила на сухую доску, одной ступнёй
стояла на мокрой, другой — на палубе. Когда мы подошли,
она не подняла глаз.

— Если принёс своё весло, оставляй на берегу.

— Принёс деньги.

— Это лучше. Деньги на судне не решают, куда оно пой-
дёт, и обычно не стараются мне помогать.

На «Сороку» грузили мешки с семенным зерном, ящики
с гвоздями и корзины с рассадой, от которой пахло тёплой
землёй. Невысокая женщина Ксения вела за руку мальчика
Фимку; рядом шёл её отец, согнувшийся не от возраста, а от
мешка на одном плече. Он остановился перед сходней, снял
мешок и стал возмущаться, что дочь взяла в путь растение,
у которого ещё нет ни одного настоящего листа. Фимка, од-
нако, держал корзину так осторожно, словно в ней уже рос
большой сад.

— Высадим их у южного двора, — сказала Лисава. — По-
том пойдём к отмели и назад. Вы трое пассажиры. В моей
команде плату за пассажира не берут натурой, если он вдруг
решил поставить парус.

Я отдал деньги и попросил сказать, где стоять, чтобы ви-
деть острова и не мешать. Лисава выпрямилась. На этот раз
мне досталось место у передней скамьи, откуда она могла
видеть мои руки. Берест тут же попросил другое — там, где

кормят. Ему объяснили, что кормят на берегу, а на воде дают работу только тому, кто умеет не ронять её за борт. Он объявил, что начнёт с наблюдения за чужой работой.

Верея сама выбрала место неподалёку от Ксении. Разговор у них завязался из-за мальчишкиной корзины: Фимка считал, что беречь росток нужно от ветра, мать — от самого Фимки, который каждые пять шагов проверял пальцем, не вырос ли лист. Старик положил свой мешок так, чтобы тот не придавил корзину, и сделал вид, будто это случайность.

Лисавины люди оказались не такими, какими я запомнил их с берега. Тот, что принял корзину у старухи в первый день, звался Окунем, хотя рыбу переносил куда хуже человеческих ругательств. Другой, молодой Остап, умел на слух различать, кто ступил на сходню: у взрослых по-разному трещали доски под сапогом, а у Фимки доска не треснула ни разу. Остап показал ему, куда садиться, но не разрешил болтать ногами над водой. Мальчик обиделся и скоро нашёл новое занятие: считал по берегу трубы, из которых уже шёл дым.

«Сорока» оттолкнулась легко. Мне давно хотелось узнать, какое чувство приходит первым, когда берег начинает уходить. Пришло раздражение: ноги ещё ждали опоры там, где доска только что была, хотя доска осталась под сапогом. Потом обнаружился ровный ход лодки, и стало слышно, как вода разговаривает с её днищем. На берегу она казалась единым шумом. Здесь под носом что-то тихо сыпалось, у кормы глухо толкало в дерево, а в середине всякий раз после удара

весла оставалась короткая пауза.

Я улыбался, должно быть, довольно глупо. Верея увидела и не стала исправлять.

— Вчера ты говорил, что хочешь приносить пользу, — заметила она. — Пока от тебя только вид человека, которому понравилась чужая работа.

— Такой вид тоже редкость.

— Для тебя — да.

Она сама была занята другим. Смотрела, как Лисава подаёт команды: кому сперва, кому после, когда ждёт отклика и когда не ждёт. В городе Верея умела привести людей в порядок одним взглядом. Здесь она не пыталась одолжить у капитана её голос. Иногда спрашивала Ксению о дальнем дворе, куда везли зерно. Там одна семья сажала сады на высокой земле после каждого затопления низкой, и всякий раз находился человек, убеждавший их переехать туда, где садов не бывает.

Фимка вклинился в разговор:

— Наши яблони вырастут выше воды.

— Эти, может, — сказала Ксения. — Не все деревья обязаны слушаться твоих планов.

— Тогда это их дело.

Старик, укладывавший мешок, хмыкнул так, что Фимка счёл себя победителем спора.

Мне дали подержать длинный шест, пока Окунь менял руку. Я держал, не упирая его ни в борт, ни в реку. Лисава про-

шла мимо и коротко кивнула: договор о весле начал приносить ей пользу. Когда он потребовался Окуню снова, я вернул без замечаний о том, как стоило бы им работать.

Черна развернулась перед носом не сразу. Сначала мы шли вдоль складов, где грузчики казались людьми, занятыми исключительно переносом маленьких тёмных камней. Затем берег опустился и открылся низкий остров. Над ним стояли мокрые ивы, на их верхних ветках ещё держались комья прошлогоднего тростника. Мне хотелось увидеть затонувшую крышу, которая поднялась при нашем первом приходе на пристань, но теперь вода закрывала её. Оттого я ещё пристальнее смотрел на каждую волну.

Лисава заметила.

— Сегодня сад может не выйти, — сказала она. — Бывает, сидишь напротив него до ночи, а он всё ещё занят своей жизнью под водой.

— Ты говоришь с ним как с соседями.

— Соседи хотя бы отвечают, когда хотят занять твою пристань. Эти однажды вынесли мне в борт целое дерево.

Она рассказала об этом не для устрашения. Её дед поехал тогда с нею, сидел на корме и уверял, что не случится ничего интересного. По возвращении он первым пришёл к соседям описать, как лично приказал дереву пройти мимо. Лисава не стала поправлять его на людях: старик после той поездки три дня не хотел показывать, что боялся. А за столом заставила назвать место, где они едва не потеряли борт. Он назвал без

шуток. Я запомнил то место по её словам, хотя не знал, увижу ли его на воде.

Берест не выдержал и спросил, можно ли везти дедов на судах как средство от скуки. Окунь сказал, что дед Лисавы стоил бы двух гребцов по расходу горячего пива; Остап возразил, что счёт неверен, потому что дед выпивал и долю капитана. Лисава велела им грести, пока не начался спор о наследстве. При этом угол её рта дрогнул: от дедовой истории ей самой становилось тепло.

У следующего поворота она подозвала меня к борту. Под водой лежал светлый ствол. Я видел его лишь тогда, когда солнце открывало промежутки между облаками; всякий другой миг там было обыкновенное чёрное место. Лисава показала, как оно выдаёт себя тонкой морщиной поперёк течения, и велела мне следить не за стволом, а за той морщиной. Я сразу упустил её, потому что поднял голову посмотреть, где кончается дерево. Нашёл вновь только после того, как Окунь молча показал пальцем на водяную полосу рядом с моим сапогом.

— Я ведь пришёл учиться, — заметил я.

— Учись, — ответила Лисава. — Я ещё не начала тебя ругать.

Неизвестно, ободрило меня это или насторожило. Когда на правом берегу показался двор Ксении, я уже различал два места, которых прежде вовсе бы не заметил, и с некоторым страхом понял, сколько осталось невидимых.

Фимка поднялся прежде, чем мать позволила, и корзина качнулась. Старик взял её за дно, мальчишка обиделся, потом оба увидели, что у дальнего сарая стоит его отец. Тот махал им от берега рукавицей. Ксения махнула в ответ и вдруг замолчала: после зимы они почти месяц не виделись. Я отвёл глаза к воде, предоставив встрече начаться без зрителей.

Лисава вела «Сороку» к южной сходне. На островном участке пена у корней шла в обычную сторону, но её стало меньше. Первым это заметил Остап и сказал коротко, ещё без тревоги. Лисава ответила, что высадит пассажиров у высокой доски, а потом подождёт перемены вдали от тесного прохода. Старик уже приподнял свой мешок. Я взялся за второй, спрашивая Ксению, можно ли помочь, и получил разрешение. Верёя придержала Фимку, пока он с деловой серьёзностью выбирал, какой ногой ступить на сухую часть палубы.

Когда вода меняет ход на берегу, всё происходит перед глазами. На лодке сначала изменилось ощущение под подошвами: «Сорока» ещё шла вперёд, а под ней словно толкнули стол, не тронув посуду. У дальнего корня вспенилась встречная полоса. Окунь перестал подавать мешки и схватил шест. Лисава велела убрать парус, хотя до берега оставалось совсем немного.

Остап освободил край полотна. Встречная вода подхватила корму, разворачивая лодку другим боком к прежнему береговому ветру. Неубранный парус хлопнул и наполнился с обратной стороны. Сначала нос подался вбок на ширину

ладони, и старик даже успел спросить, почему ещё не подали сходню. Потом из-за острова вынесло ствол; он ткнулся в «Сороку» снизу. Доски под нами треснули голосом, какого не издавали при обычном шаге.

Лисава крикнула, чтобы никто не шёл к сходне. Остап уже стягивал парус, Окунь отталкивал ствол. Судно могло бы пройти мимо двора, если бы на короткий миг не зацепилось за подводную ветвь. От толчка рея — длинная тяжёлая жердь поперёк полотна — сорвалась с высоты плеч и пошла вниз наискось. Я увидел её тень раньше, чем услышал сухой треск дерева у мачты.

Ксения стояла под нею с Фимкой. Старик, ещё державший мешок, был рядом. Все трое смотрели на берег, где отец мальчика уже бежал к нижним ступеням. Верей стояла немного дальше; первой закричала им отойти и двинулась к женщине. Старик послушался, бросил мешок и шагнул за Вереей. Ксения схватила сына, но корзина у него зацепилась за ручку скамьи. Он не выпустил её. Рей падала не на всю длину палубы — только на то место, куда мать наклонилась к нему.

Я был с другой стороны скамьи. Бросить мешок успел. Обойти — нет. На суше у меня нашлось бы несколько шагов, чтобы попасть между двумя людьми. Здесь хватало одного прыжка на доску, которая уже уходила из-под ног. В тот самый миг вспомнилась колода у дома в Чернотале, где мои колени однажды встретили землю и не согнулись. Я попро-

сил у Кости этой опоры, ещё не оторвав сапоги от палубы.

Прыжок вышел некрасивым. Моя ступня скользнула по мокрому зерну, и вместо того, чтобы перемахнуть через скамью, я рухнул на неё бедром. Колено должно было сложиться подо мной. Я ощутил, как голень повело в сторону; внутри словно встала крепкая распорка и сохранила ногу под весом всего тела. Боль осталась, а нога уже искала, куда встать. Я не сразу поверил, что уже оттолкнулся от скамьи. Протянул руку через корзину, толкнул Фимку не к борту, а в открытое место у Вереиных ног, куда она уже могла его принять. Она поймала мальчишку за куртку и развернула лицом к себе; Ксения успела отпустить его и последовать за стариком.

Рея ударила меня по левому плечу вскользь. В ней было достаточно веса, чтобы сбить с ног взрослого человека, но она не остановилась на мне: второй край рухнул на палубу рядом со скамьёй. Звук дошёл до меня позже удара. Я оказался на коленях, рука висела странно, а спина всё ещё держала прямую линию, которую я у неё попросил. Попытался вдохнуть и только хрипнул; у сапога лежала разбитая корзина с ростком, и я почему-то успел подумать, как Фимка рассердится.

Лисава удерживала «Сороку» от поворота поперёк течения. С кормы она не могла подбежать к нам, зато её голос был слышен сквозь воду. Остап и Окунь подхватили упавшую рею за два конца, когда мачта перестала тянуть её обратно, и отодвинули тяжесть от прохода. Берест взял у ста-

рика мешок, бросил его к ящикам и, не спрашивая разрешения, потащил Ксению туда, где Верея уже держала Фимку. Та огрызнулась, что может идти сама. Берест отпустил её лишь на ровной доске.

Я попытался подняться. Левая рука ответила болью, но пальцы шевелились. Ветер и обратная вода разводили лодку со сходней. У самого носа Остап сорвался с мокрого борта: не упал целиком, одной ногой и бедром завис снаружи, рукой держась за край. Окунь не мог бросить шест, иначе ствол снова ткнулся бы под нас. На берегу Фимкин отец уже стоял на высокой ступени и протягивал руку, но расстояние между ним и Остапом быстро росло.

Я поднялся на скамью, по которой только что проехал. Она скользила под ногами; колено держалось прямо, спина тоже, а сил на прыжок оставалось ровно столько, сколько я успел сохранить сам. На носу доска была выше, чем казалось с берега. Я прыгнул, приземлился на обе ноги возле Остапа и правой рукой поймал его за ремень. Он выругался мне прямо в лицо, потому что я попал пальцами в место, где ремень натирал. Вдвоём мы с Берестом вытянули его обратно; Берест уже подскочил к носу с сухой стороны.

— Левую убери, — сказал он, когда я хотел помочь ещё и ей. — Правой держи меня.

Я послушался. Окунь наконец оттолкнул ствол, Лисава вывела «Сороку» из бокового напора и велела всем сесть, кому сидеть разрешено. Обратная вода прошла под нами, не

дав ни красивого поворота, ни времени на удивление. Только за дальним островом начали подниматься влажные верхушки деревьев; я видел их между плечом Береста и мокрой спиной Остапа. Колокольчик на одной ветке звякнул один раз. Сегодня я не захотел просить его задержаться.

Ксения сидела с сыном на полу у передней скамьи. Лицо у неё было белое от испуга, зато голос вернулся быстро: она ругала Фимку за корзину, себя за то, что взяла корзину на палубу, и своего отца за мешок, который мог в любой момент упасть мальчику на голову. Старик выслушал про мешок и указал, что тот теперь лежит у наших сапог, целый, а корзина — нет. Фимка дотронулся до согнутого стебля.

— Лист остался, — сказал он.

Это оказалось правдой. Корзину раздавило, один тонкий побег сломался, но из влажного кома торчал зелёный лист. Верёя нашла под скамьёй выскользнувший кусок ткани, завернула в него корни и передала Фимке. Он взял обеими руками, слишком серьёзный для своего возраста и совсем не намеренный благодарить меня за то, что я его толкнул.

Лисава тем временем отдавала распоряжения. Сорванное полотно собрали без попытки вернуть рею на место. Она осмотрела край мачты и велела Остапу сесть, потому что после такого купания всухую у него переставала слушаться нога. Он возражал до тех пор, пока не попробовал встать. Окунь отвёл лодку к широкой стороне острова. Там можно было подождать, пока вода решит, в какую сторону ей течь

дальше, и никто не требовал немедленно доказать, что переход всё-таки состоялся.

— У вас кровь есть? — спросила Лисава у пассажиров, проверив своих людей.

Ксения показала содранную ладонь. У старика на шее краснела полоса от мешочной лямки; он утверждал, что это не считается. У Фимки не оказалось даже царапины, чем он был недоволен: на берегу тогда не поверят его рассказу. Я держал левую руку ближе к груди и надеялся, что с лица у меня не исчезло довольство; лицо, впрочем, никто ещё не проверял.

— А у тебя? — спросила капитан.

— Рука на месте.

— Я вижу, где она. Что с ней?

Я поднял её настолько, насколько она согласилась подниматься. Плечо отозвалось тянущей болью. Ни кровь, ни кость не мешали движению; мешало что-то мягкое, сердитое и находившееся глубже кожи. Веря увидела раньше, чем я опустил ладонь.

— Он скажет, если будет хуже, — произнесла она. Не мне. Лисаве. — А я проверю, сказал ли.

Лисава кивнула и велела Остапу сесть поудобнее: он уже третий раз пытался встать.

Берег Ксении оставался всего в нескольких сотнях шагов. Она махнула людям за деревьями, а Фимка спросил, не лучше ли теперь посадить росток у самой воды. Оба взрослых

одновременно запретили. Мальчик решил, что спорить сначала стоит с матерью.

Берест проверял шов на моём плаще. Он не порвался. Зато снизу к шерсти прилипло зерно, и когда юноша стал его стряхивать, мне защекоotalo шею.

— С виду ты прыгнул через всю палубу, — сказал он. — В рассказе я оставлю именно так.

— Я упал на скамью.

— Это промежуточная подробность. Ты же не описываешь каждую ступень лестницы, когда рассказываешь, что взобрался на стену.

— Он упал, — сказала Верея. — И поэтому успел.

Берест подумал.

— Это даже лучше. Падение оставлю. Только перед ним поставлю ту часть, где рея уже была над всеми тремя, а Лука успел обойти скамью так быстро, что я не видел его ног.

— Потому что ног под ним не было, — ответил я. — Одна нашла зерно, вторая не успела с ней договориться.

Остап, укрывшись одеялом у мачты, заявил, будто я выскочил из-под реи прямо ему на ремень. Окунь возразил: сперва я полетел за борт, а вернулся, когда Остап уже занял удобное место. Ксения сказала, что помнит руку Вереи у Фимки на воротах.

Лисава слушала эту торговлю памятью, пока смотрела на воду. Потом велела Окуню подавать шест: течение снова стало привычным, и к берегу можно было подойти без паруса.

У высокой пристани Ксения наотрез отказалась, чтобы я нёс мешок. Старик взял Фимкино растение; мальчик протестовал, но дед стоял твёрдо: с палубы сойдут по одному, без корзин перед глазами. Отец Фимки ждал наверху. Увидев зелёный лист в тряпице, он спросил, почему это единственная вещь, которую сын не выронил. Ксения издала звук, после которого семейный рассказ обещал быть долгим.

Лисава взяла за переход обычную плату и вернула семье часть за доставку не к их сходне, как было условлено. Старик пытался возразить: от новой пристани идти всего половину поля. Она пересчитала деньги ему в ладонь и объяснила, что половину поля он пройдёт сам, а за это никогда не платят капитану. Когда они ушли, один из соседей остался помочь вытащить «Сороку» выше по доскам. Он уже слышал, что мы удержали рею в воздухе собственными руками. Остап, услышав это, повернулся ко мне:

— Видишь? Мой ремень из истории исчез первым.

Он сам засмеялся, потом поморщился — мокрая нога начала отогреваться.

Я хотел помочь с судном, но Лисава отослала пассажиров на берег, пока её люди крепили упавшую рею на палубе. Запасного паруса не было. В Торг мы возвращались на шестах и вёслах; затонувшая крыша опять скрылась, из воды торчали мокрые ветви, на которых мог бы сидеть любой воробей, если бы воробьи соглашались жить на этом ветру.

На обратном пути Верея спросила Лисаву, кто решает по-

вернуть назад, если заказчик требует идти дальше. Лисава начала историю про купца, который велел ей ждать потерянных кур, а сам уехал сухой дорогой. Посреди рассказа поправила весло Окуня и закончила уже о другой воде. Мне было приятно слушать их и впервые за день ничего не объяснять о своём прыжке.

На пристани Ратша разглядел повреждённую рею и предложил Лисаве сухой настил для выгрузки. Он назвал цену; она предложила ему оставить за эту цену половину доски на зиму. Сошлись на обмене работой: его люди подадут настил сейчас, её завтра помогут с мелким грузом.

Ратша увидел мой плащ, потом плечо.

— Спорить с реей оказалось труднее, чем с Рагдаем?

— У неё не было правил, которые судья мог бы прочитать.

Он посмотрел на Остапа, сидевшего на бочке и вечно поправлявшего одеяло, спросил его о ноге и уже потом обратился ко мне. Он слышал, что на судне был ребёнок. Своему человеку он велел привести к пристани лекаря, если боль у кого-нибудь усилится к вечеру, и оплатить дорогу туда. Лисава не стала отказываться от помощи ради гордости. Ратша не требовал за неё благодарности.

— Я не оставляю людей у тебя на борту, — сказал он.

— Тогда приходи работать, — ответила капитан. — У меня их всегда не хватает.

Ратша улыбнулся. Мне было досадно, что я способен смеяться вместе с ним после вчерашнего разговора у зерна.

По пути к хлебному ряду нас остановили двое незнакомых: один якобы видел мой прыжок с другого судна, другой хотел знать, стали ли у меня каменными колени. Я предложил первому показать то судно, где, вероятно, лежал мой второй плащ. Верёя шла рядом и слушала, как с каждым переулком палуба подо мной становится всё шире.

— А я видела тебя рядом, — сказала она.

— Ты видела в самый неподходящий миг.

— Да. Ты тогда едва не приземлился в корзину.

— Но не приземлился.

— Корзине от этого стало не легче.

Она улыбнулась и поправила ворот моего плаща правой рукой. Левой коснулась моей правой щеки. Я на минуту перестал заботиться о верности рассказа.

У Малуши мы купили хлеб и два горячих пирога, в которых рыбы хватило бы, чтобы Берест признал их изделием хорошего настроения. Яшкова низкая табуретка стояла у печи пустой. Малуша слышала рассказ о Фимке от человека, который стоял у соседнего прилавка, и с облегчением убедилась, что у меня хватает голоса спорить с её покупателями о числе прыжков. Я хотел спросить её о сумме в хлебной коробке. Она заранее качнула головой. Не здесь, не поверх хороших пирогов.

Олеся подошла к нам сама. До заката держалось её обещание на лёгкий южный выход. Она посмотрела на мою руку, потом на «Сороку», которую из хлебного ряда было видно

между крыш.

— Судно нашёл?

— Нашёл капитана. Судна она мне ещё не обещала.

— Правильно делает. Я подожду до нашего срока. Потом возьму другого, если он принесёт живую лодку, а не рассказ, как хорошо бы мне в ней работалось.

Я спросил, согласится ли Олеся взяться за тот же южный путь, если срок пройдёт.

— Место не удержу, — сказала она. — Но до конца недели плата будет та, что мы назвали. Приведи хозяина лёгкой лодки, тогда решим день. За новое утро возьму отдельно.

Она поправила мокрую рукавицу и пошла к своим делам.

К вечеру плечо перестало подчиняться в мелочах. Пока я сидел, оно только ныло; стоило потянуться за кружкой, ладонь словно вспоминала о деле на мгновение позже меня. Кости были целы — это я чувствовал и без врача. Удар пришёл вкось, и мягкие части руки не разделяли Костиной любви к прямой опоре. Я не успел придумать, как скрыть это от Вереи, да и не хотел.

Она сама придвинула кружку ближе.

— Покажи.

Я попробовал поднять левую руку. До середины получилось, дальше плечо ответило болью и отняло силу. Верея позвала хозяйку трактира, у которой нашлась чистая ткань и знакомый речник, видевший много выбитых плеч. Тот осторожно ощупал сустав, велел оставить руку в покое и пообещать.

щал утром посмотреть снова, если движение не вернётся. Хозяйка проводила его до двери, расспрашивая по дороге о собственном колене; он узнал её хромоту по шагам ещё на лестнице.

— Ты попросил у Кости опору? — тихо спросила Веря, когда речник ушёл.

— Да. Иначе колено свернулось бы ещё у скамьи.

— А плечо?

— Оно мне ни о чём не обещало.

— Вот и не требуй от него сегодня работы.

Я хотел возразить, что утром оно почти слушалось. Но теперь слушалась лишь часть, и я оставил кружку на столе. За окном проходили люди с корзинами; где-то дальше ударили по железу, пробуя новый крюк для пристани. День не согласился остановиться из-за моей руки.

Веря рассказывала, как Ксения, прежде чем уйти, успела поссориться с отцом уже о другом мешке. Я слушал, пока она наконец не призналась, что испугалась не тогда, когда упала рея, а позже, когда я побежал к носу, уже после удара. Она могла схватить меня за плащ. Не сделала этого, потому что увидела Остапа снаружи.

— Я злилась бы на тебя, если бы ты остался рядом со мной, — сказала она. — И злилась, когда побежал. Удобной женщины сегодня не будет.

— Ты не обещала быть удобной.

— Хорошо, что хоть это ты расслышал на нашем пути.

Потом она сама спросила, как долго длился тот миг с Костю. Я ответил, что меньше, чем хотелось, и больше, чем хватило бы моим обычным коленям. Слова вышли нелепыми, зато она поняла. Мы посидели молча. Я мог взять её ладонь правой рукой, и она не была занята тем, чтобы оценивать мой подвиг.

Берест вернулся после заката: Лисава собиралась завтра осмотреть «Сороку», а лёгкий груз пока никому не обещала. Поздно вечером рука согласилась подняться чуть выше. Я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.